Григорий Матвеев

СКАЗКА О ТОМ, КАК ГРЕНАДЕР ЛЕКАРЕМ СТАЛ

Москва

2013

Автор разрешает копировать и использовать все материалы сказки в печатной продукции, радиопостановках, кинематографе, для электронных книг, в аудио-, видеозаписях или в любом другом виде, не уведомляя его об этом, и не претендует на свою долю дохода от их использования.

Сказка для взрослых и детей старшего возраста.

Отзывы и пожелания можно отправлять по адресу:
matweew-g@yandex.ru

На титульном листе – тропинка в лесу (фото автора). В приложениях приводятся краткие сведения о Казанской иконе Пресвятой Богородицы, а также показано обмундирование рядового гренадера и фузилера в эпоху Петра I, которое описано в книге Военная одежда русской армии. - М. Воениздат, 1994.-382с.: ил.- ("Редкая книга").

Пресвятой Деве Марии посвящается

> Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы не хулили, но кто будет хулить Духа Святаго, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению.
>
> Евангелие от Марка, глава 3, стихи 28 – 29

Хорошо летом в лесу. Особенно ранним утром. Прохладно. На зелени блестит роса. Воздух пьянит сказочным ароматом. Это растения что-то говорят вам на языке запахов. В траве прячутся грибы. Глаза радуют цветы, ягоды. Все вокруг дышит загадочной жизнью. Тишина. Даже кукушка молчит. Но что это? Человек поет. В такой глуши. Может быть, показалось? Однако если прислушаться, можно слова разобрать: «Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поет. Ать! Два! Горе не беда, канареечка жалобно поет».

Это же старая солдатская песня!

А вот и певец бодро марширует по лесной дороге. Высокого роста, широкоплечий. Про таких говорят – «косая сажень»[1] в плечах. Усы с лихо закрученными вверх концами. Волосы длинные, до плеч. Подбородок и щеки выбриты.

[1] - косая сажень – русская мера длины равная 2,48 м, иногда так называли расстояние от пятки ноги до конца поднятой вверх руки противоположной стороны.

Какая странная у него одежда! На голове – треуголка[2]. Вокруг шеи повязан белый галстук. Темно-зеленые кафтан[3] и штаны. Спереди на поясе - небольшая сумка с каким-то круглым рисунком. Через плечо висит другая сумка, украшенная изображением двуглавого орла. На ногах - черные башмаки и длинные, до колен, белые чулки. Через левую руку перекинуто что-то похожее на плащ темно-зеленого цвета.

Да это же солдат!

Вдруг из-за кустов выскочили какие-то оборванцы и окружили певца. В их руках были суковатые дубинки.

Солдат остановился, сжал «пудовые»[4] кулаки и приготовился защищаться.

Неожиданно толпа расступилась и пропустила вперед атамана, одетого в довольно приличный кафтан. Он был высокого роста с густой окладистой[5] бородой, огромной бочкообразной грудью и таким же животом. На его поясе висела сабля. За пояс были заткнуты длинный пистолет и плеть.

- Ты кто? - спросил атаман певца.

- Рядовой гренадер[6] лейб-гвардии Преображенского полка Иванов! В отставке! - по привычке вытянувшись, громко доложил солдат.

Вперед важно выступил какой-то косоглазый тип с реденькой бородкой и сказал: «Понятно. Отставной козы барабанщик».

Раздался смех.

- Ай да Косой, грамоте не обучен, зато браниться силен! Не то, что писаря, любую сваху за пояс заткнет! - просипел чей-то голос.

- Вы разбойники? - спокойно спросил служивый.

- Ограбим, догадаешься, - ответил Косой.

- Хвались вечером, утром не сеченый, - сказал солдат.

Повторно раздался смех.

- Чудной у тебя наряд, - с этими словами Косой встал на четвереньки, положил рядом свою дубинку и отогнул кожаный язычок у солдатского башмака. Из-под него блеснула металлическая пряжка. Разбойник присвистнул. Приподнявшись, он потянул вверх штанину на колене солдата. Из-под белого чулка вылез край штанины с подвязками.

- А штаны-то короткие! - весело закричал Косой под смех окружающих.

- Это у тебя нос длинный, - не растерялся служивый.

Разбойники рассмеялись снова.

Косой приподнялся, указал пальцем на сумку с орлом и спросил: «Что это висит у тебя на плече?»

- Патронная сума, - ответил солдат.

---

[2] - треуголка – форменная шляпа треугольного фасона, применявшаяся в армии и во флоте.

[3] - кафтан – старинная мужская долгополая верхняя одежда.

[4] – пуд – русская мера веса (массы) равная 16,38 кг.

[5] - окладистая – широкая.

[6] - гренадер – солдат из военных подразделений особого рода, личный состав которых кроме обычного вооружения имел гранаты.

- А на животе? - разбойник ткнул пальцем в сумку с круглым рисунком.

- Гренадерская сума.

- Чего-чего?

- Эта сума предназначена для ношения гренад.

- Каких таких гренад?

- Это ручные бомбы с запалом.

Разбойники, окружавшие солдата, отпрянули назад.

- Сейчас начнет бомбы кидать, - тоскливо засипел за их спинами голос разбойника по кличке Кащей. Он отличался от других красной повязкой на голове и отсутствием бороды, которая у него не росла.

- Не бойтесь, я сдал все оружие, когда увольнялся со службы, - успокоил их солдат.

Среди разбойников пронесся вздох облегчения. Они опять обступили служивого. Косой указал пальцем на крышку патронной сумы и спросил: «А орел-то золотой?»

- Серебряный, позолоченный, сверху медью околоченный, чтобы не линял, - ответил солдат.

Раздался смех.

- Что это висит у тебя на руке? - Косой указал на подобие плаща.

- Епанча, - солдат развернул перед ним суконную накидку без рукавов.

- Она набрасывается на кафтан при ненастной погоде или в холодное время года, - прибавил служивый.

- Ну-ка дай ее сюда, - сказал Косой.

Разбойник взял епанчу, набросил ее себе на плечи и спросил солдата: «Что это за шляпа у тебя на голове?»

- Это не моя шляпа. Она неудобна при метании гренад. Мою гренадерку пришлось сдать. А то щеголял бы пером страуса и медным налобником с двуглавым орлом. Так на парадах ходили. В походе на гренадерку надевали чехол. Когда увольнялся со службы, мне дали старую треуголку стрелка-фузилера[7].

- Какого стрелка? - не понял Косой.

- Фузея – это кремневое ружье, мушкет, который носят стрелки-фузилеры, - ответил служивый.

Косой снял треуголку с солдата, одел ее себе на голову и гордо сказал: «Мушкетерская шляпа!»

Атаман сорвал с него шляпу и нахлобучил ее на свою голову. Затем он сдернул с Косого епанчу и набросил ее себе на плечи.

Косой с видом побитого пса отошел в сторону.

- Ну-ка, дай патронную суму сюда, - сказал атаман солдату.

Служивый снял с плеча сумку с орлом и протянул ему.

---

[7] - фузилер – солдат из военных подразделений эпохи Петра I, названных из-за стрелкового вооружения – фузеи.

Атаман открыл ее, перевернул и вытряхнул содержимое на дорогу. Оттуда вылетели: курительная трубка, деревянная ложка, складная бритва и два холщовых мешочка с завязочками, один маленький, а второй побольше - размером с кисет[8]. Бросив сумку на землю, атаман поднял мешочек побольше, приоткрыл его и понюхал содержимое. Чихнув, он вытер нос рукавом, сказал: «Табак» - завязал и бросил мешочек на землю. Затем атаман поднял маленький мешочек и заглянул в него.

- Соль. Небогато, - недовольно сказал он, завязал мешочек и бросил на землю.

- Вот мое богатство. Не могу унести, - сказал солдат и показал руками вокруг себя.

Он имел в виду красоту дикой природы, россыпи спелых ягод, пестрые от грибов поляны, деревья-великаны, необъятное море зелени и цветов. Но понять этого разбойники не смогли.

- Он нашел клад атамана Кудеяра и не может его унести, - просипел Кащей на ухо Косому.

- Ты только покажи, где оно спрятано, мы тебе поможем, - вкрадчиво попросил солдата Косой.

- Нет, не унесете, - уверенно сказал служивый.

Глаза Кащея алчно сверкнули. Он ахнул и затрясся от жадности.

- Может его огнем попытать, чтобы показал? - засипел разбойник на ухо Косому.

- Этот не скажет, надо хитростью, - зашептал тот в ответ.

- Где ты живешь, солдат? - спросил Косой.

- Вот моя хата[9], - служивый показал рукой на раскидистый куст, - две тычинки, две хворостинки, небом покрыта, белым светом огорожена.

- Куда путь держишь?

- Счастье ищу, - ответил солдат.

- Считай, что ты нашел, что искал. Иди к нам. Наше счастье – деньги. Отберешь их у других, будешь такой же счастливый, как и мы, - сказал атаман.

Разбойники довольно рассмеялись.

- На чужом горе счастье не построишь, - ответил служивый.

- Если тебе деньги не нужны, давай их нам, - сказал атаман.

- Все что было, уже потрачено.

- Сейчас проверим. У тебя еще одна сумка на поясе и карманов много. Ну-ка, Косой, обыщи! - приказал атаман.

Разбойник подошел к солдату, запустил руку в гренадерскую суму и вытащил из нее какое-то странное металлическое устройство.

- Там больше ничего нет, - сказал Косой.

---

[8] – кисет – мешочек для хранения табака.

[9] - хата – крестьянский дом (бревенчатый или сделанный из необожженной глины - мазанка).

Устройство было похоже на маленькую плоскую коробочку. Из нее торчало колесико с насечкой и что-то похожее на фитиль. Разбойник зажал коробочку в руке и крутанул колесико. Из-под него ударил сноп искр. Над фитилем заплясал огонек. От неожиданности Косой выронил коробочку и бросился бежать. Остальные разбойники с воплями кинулись врассыпную.

- Стойте! Не бойтесь! - закричал солдат. Он поднял упавшее на землю устройство и погасил фитиль.

Разбойники опасливо приблизились.

- Что это? - спросил атаман.

- Зажигалка. Мне ее тульский Левша подарил, - ответил служивый.

- Ну-ка, дай ее сюда, - приказал атаман.

Солдат протянул ему зажигалку.

- Вы все больны, - с серьезным видом сказал служивый.

- Чем? - удивился атаман.

- Жадностью, - ответил солдат.

- Ха-ха-ха! - держась за животы, едва не покатились со смеху разбойники.

- Есть у меня для вас превосходное лекарство, - сказал служивый.

- Это какое же? - заинтересовался атаман.

- Солдатский табачок, - ответил солдат.

- Давай его сюда! - приказал атаман.

Служивый наклонился, поднял кисет, курительную трубку и подал их вожаку разбойников.

- Сейчас я вам покажу как в Голландии курят, - сказал атаман.

С важным видом он набил трубку табаком, бросил кисет на землю, привел зажигалку в действие и разжег табак.

- Дай затянуться! - послышалось со всех сторон.

Атаман затянулся первым. Но что это? У него как будто перехватило дыхание. Сами собой выпучились глаза. Из ушей пошел дым. Как рыба, вытащенная из воды, атаман пытался глотнуть свежего воздуха, но не мог. Треуголка свалилась с головы, а епанча – с плеч. Трубка и погасшая зажигалка выпали из его рук.

- Налетай, братва, а то всем не хватит! - крикнул солдат.

Косой, оказавшись ловчее остальных, первым подхватил трубку и сунул ее себе в рот. Со всех сторон к ней потянулись руки, но он успел затянуться до того, как трубку вырвали у него изо рта. Косого постигла та же участь, что и атамана. Дым шел из ушей, а он стоял с выпученными глазами и беззвучно шлепал губами. Этого не заметили. Трубку вырывали из рук, она пошла по кругу. Каждому разбойнику хватило по одной затяжке. Теперь все они стояли, пошатываясь, выпучив глаза, испуская дым из ушей, и раскрывали рты, пытаясь глотнуть свежего воздуха.

- Да-а-а, не приходилось вам нюхать солдатского табачка, - сказал служивый.

Он поднял с земли патронную суму и сложил в нее свое нехитрое имущество. Повесив суму на плечо, а епанчу - на руку, солдат надел шляпу и зашагал по дороге, напевая свою любимую песню: «Ать, два, горе не беда, канареечка жалобно поет».

Первым начал приходить в себя атаман. Наконец-то у него, посиневшего лицом, отпустило дыхание. Держась руками за живот, пригибаясь и извергая из себя клубы дыма, он надрывно закашлялся. «У-у-ф. Продохнул», - блаженно улыбаясь, сказал атаман, когда прокашлялся. Он сошел с дороги и, пошатываясь, направился к лесной поляне. «У-у-х крепкий табак! Как забирает! Надо на травке полежать», - с этими словами атаман грузно повалился на траву и растянулся на спине.

Вслед за ним принялись кашлять и другие разбойники. Скоро вся поляна наполнилась кряхтящими и охающими разбойниками, лежащими вокруг атамана.

А солдат тем временем шагал все дальше и дальше. Вдруг за его спиной послышался звон колокольчиков. Служивый оглянулся и сошел на обочину. Из-за поворота показалась тройка лошадей, украшенная разноцветными лентами и цветами. В повозке сидели молодые жених и невеста в свадебных нарядах. «К удаче», - подумал служивый. Он привычно вытянулся и приложил правую руку к краю треуголки, чтобы не сдуло. Обдав солдата пылью, тройка понеслась дальше. Следом за ней промчалась такая же упряжка, в которой, судя по возрасту, ехали родители молодых. Затем показалась еще одна тройка. Она везла молодых парней и девушек. Упряжка остановилась рядом с солдатом. «Садись, служивый, подвезем!» - сказал краснощекий парень, управлявший лошадьми. Его фуражку украшал маленький букетик из полевых цветов. Солдат мигом вскочил в повозку, и они помчались вперед.

Вскоре лес закончился. Открылось широкое поле, за которым виднелись избы деревушки, прилепившейся к пологому, поросшему редколесьем, склону горы. Они пересекли поле и остановились у ворот какой-то ограды, за которой скрывалась большая изба. Служивый поблагодарил краснощекого парня и хотел пойти дальше, но его взяли за руку, и повели в ворота вслед за остальными.

В просторных сенях[10] было подобие раздевалки – кучей лежали кафтаны, шапки, фуражки. Солдат положил сверху свою епанчу, треуголку и, пригнувшись, перешагнул порог невысокого дверного проема, из-за которого раздавались оживленные голоса. Перед ним открылось просторное помещение. Посередине возвышалась русская печь. Вокруг нее были расставлены столы, за которыми сидели многочисленные гости. На почетном месте, рядом с женихом, восседал темноволосый мужик. Он по-хозяйски встречал входящих тяжелым взглядом из-под мохнатых бровей.

[10] - сени – не отапливаемое помещение между жилой частью дома и крыльцом в деревенских избах и старинных городских домах.

- Кто это, насупленный, как сыч[11]? - спросил солдат рыжую девушку, которую звали Дуняшей.

- Это колдун Савелий. Его молодые пригласили, чтобы от сглаза и порчи[12] сберег.

Недобрый взгляд колдуна остановился на служивом.

- Солдат горемыка, хуже лапотного лыка[13], - громко произнес он.

Кто-то засмеялся.

- Как ты нашего брата встречаешь? Знать не слыхал поговорки: - «Солдат близко – кланяйся ему низко», - отвечал служивый.

Послышался сдержанный смех.

- Я вижу, ты болен, - сказал солдат колдуну.

- Чем? - удивился Савелий.

- Наглостью, - ответил служивый.

- Ха-ха-ха! - рассмеялся колдун.

- Есть у меня для тебя одно заморское лекарство. Первейшее средство от наглости, - сказал ему служивый.

- Какое?

- Аглицкая соль[14].

- На словах ты боек. Давай посмотрим на деле, - предложил колдун солдату.

- По рукам.

- Налейте нам вина. Кто первый захмелеет или на двор попросится, тот проиграл, - сказал Савелий.

Подбежал мальчишка с кувшином и наполнил две кружки. Колдун взял одну из них, всыпал в вино какой-то порошок, что-то пошептал над кружкой и велел мальчишке поднести ее служивому.

Солдат перекрестился, взял кружку, перекрестил ее содержимое и выпил до дна.

- Давай твое лекарство! - сказал колдун.

Служивый достал из патронной сумы небольшой мешочек, запустил в него пальцы, вытащил полную щепоть соли, всыпал ее в кружку с вином, размешал ложкой, взятой со стола, и подал Савелию.

Колдун выпил, скривился и плюнул под стол.

- Следите за ним, чтобы тайком на двор не выскочил, - сказал солдат.

Колдун грозно посмотрел на него: «Еще посмотрим, кто над кем посмеется».

Вперед выступил «дружка» - главный распорядитель свадебного застолья. Им оказался парень, пригласивший солдата на свадьбу. «Князь с княгиней», -

---

[11] – сыч – птица из породы сов.

[12] - сглаз – в суеверных представлениях вред, который можно нанести кому-нибудь дурным (например, завистливым) взглядом или хвалебным высказыванием; порча – заболевание, причиненное колдовством.

[13] - лыко – волокнистая древесная ткань, отделяемая непосредственно от ствола дерева, используемая для плетения крестьянской обуви – лаптей или в качестве пояса.

[14] - английская соль – горькая соль - слабительное, применяемое в медицине для очищения кишечника при отравлениях.

сказал он, обращаясь к молодым, - «господа бояре[15]», - дружка взглянул на «свадебных бояр» - бойких молодых парней, его помощников в увеселении гостей, - «и все поезжане», - он повернулся к остальным и сделал рукой приглашающий жест, - «прошу к столам!»

- Гусь из печи не лезет! - весело воскликнула раскрасневшаяся от жара повариха, стоявшая с ухватом[16] у устья[17] печи.

Дружка взял стаканчик с вином, блюдечко, положил на него соленый огурец и с поклоном поднес все это поварихе. Когда она выпила и закусила, дружка поставил пустые стаканчик и блюдечко на стол, снял висевшее на стене охотничье ружье и выстрелил в раскрытое устье печи. Бабы взвизгнули. Повариха сунула ухват в печь и вытащила на стол дымящийся горшок, из которого выглядывал румяный гусь, обложенный печеными яблоками.

Мужики принялись наливать вино в стаканы, кружки, стопки[18]. Изба наполнилась деловым гулом гостей. Вдруг солдат заметил, что колдун тихонечко ойкнул и, держась руками за живот, незаметно заспешил к выходу.

- Держите его! - крикнул служивый.

Дюжие[19] молодцы хотели подхватить Савелия под руки, но тот вывернулся и выскочил за дверь. Со двора донесся стук дверки деревянного туалета, которому вторил хохот развеселившихся гостей.

- Ты более сильный колдун? - спросила Дуняша солдата.

- Нет. Я не колдун.

- А что такое аглицкая соль?

- Средство для очищения брюха. При отравлении помогает, - ответил ей служивый.

- Давай плясовую! - крикнул он парню с балалайкой и вышел на свободное пространство.

- Коли у солдата поясница разомнется, да ноги размотаются, держитесь подметки! - задорно закричала Дуняша.

- Как пошла изба ходить, сени за собой водить! - вторил ей служивый и пустился вприсядку.

Свободное пространство заполнилось пляшущими людьми. На столах зазвенела посуда.

Одному из танцоров, разгоряченному вином, показалось тесно в избе. Он выскочил в сени, а затем во двор. Описав круг, танцор оказался спиной к срубу[20] колодца. В воздухе мелькнули ноги. Послышался громкий всплеск воды и пронзительный вопль: «Помогите! Тону!»

---

[15] - боярин – лицо, принадлежавшее к высшему сословию на Руси, крупный землевладелец.

[16] - ухват – длинная деревянная палка с металлической рогаткой на конце, которой захватывают, ставят в русскую печь и вытаскивают из нее горшки, чугуны.

[17] - устье – входное отверстие русской печи.

[18] - стопка – небольшой стакан, расширяющийся кверху.

[19] - дюжий – сильный, крупного телосложения.

[20] - сруб – несколько горизонтальных рядов бревен, сложенных прямоугольником-«колодцем».

Первым из избы выскочил солдат. Следом - два пьяных гостя. Один губастенький, по прозвищу Губошлеп. Другой глуповатый на вид, по прозвищу Емеля. В его руках был багор[21], которым он едва не ударил солдата по голове. Тот успел увернуться. Помощи от них не было – одна помеха. Служивый взял привязанное к веревке ведро, опустил в сруб и принялся крутить ворот[22], разматывая навитую на него веревку. Когда веревка дернулась и натянулась, солдат крикнул в колодец: «Держись крепче!» - и стал вращать ворот, поднимая ведро.

Вскоре из сруба показалась мокрая голова, а за его бревенчатый край уцепилась такая же мокрая рука. Подхватив искупавшегося, служивый вытащил его из колодца. Он стоял в прилипших к телу рубахе и шароварах, из которых текла вода, и дрожал, то ли от холодной воды, то ли от испуга.

- Василий! Друг! Как же тебя угораздило? - закричали Губошлеп с Емелей.

- Да вот винца выпил, разгорячился. Вышел во двор прохладиться. Слышу, крестный[23] зовет пиво пить. Опрокинул кружечку в рот, а пиво как будто обухом[24] в голову ударило. И увидел, что не у крестного я в гостях, а в колодце, и не пиво пью, а холодную воду. И не кружечкой, а взахлебку.

- Без вина одно горе, а с вином – старое одно, да новых два: и пьян, и бит, - сказал дед, которого звали Апанас.

- Оставил бы ты своих «друзей», да уехал от них подальше. Как бы они тебя до чего большего не довели, - сказала Дуняша Василию.

- Все! Хмельного больше не пью! Ей-Богу! - заявил дрожащий Василий.

- Кто божится, на того нельзя положиться, - сказала одна из баб.

- Ты уже зарекался не пить хмельного, - сказала другая баба.

- От воскресенья до поднесенья, - добавила третья.

Вокруг рассмеялись.

- Хороший парень, да спился и покупает у колдуна Савелия бесовское снадобье – дурман. Из-за этого от него жена с детьми ушла, - сказал дед Апанас солдату.

- Василий! Да ты болен! - сказал служивый.

- Я здоров! - возмущенно ответил Василий.

- Твою душу лечить надо. Я тебе помогу. Но при одном условии, - серьезно сказал солдат.

- При каком условии? - заинтересовался Василий.

- Если потрудишься сам. Что делать - научу. Но не жди легкой победы, - ответил служивый.

- Ты лекарь? - спросила его Дуняша.

---

[21] - багор – металлическое острие с крюком, насаженное на длинный деревянный шест.

[22] - ворот – гладкое горизонтальное бревно, закрепленное на железной оси с рукояткой, на которое наматывается цепь или веревка, прикрепленная к ведру.

[23] – крестный – крестный отец, он же называет Василия крестником.

[24] - обух – утолщенная тупая часть топора.

- Нет. Но некоторые душевные болезни лечить умею, - ответил он.

- Сказку о том, как солдат черта учением замучил знаем! А про то, чтобы от пьянства кого-нибудь вылечил, не слыхали! - воскликнула Дуняша.

Вокруг рассмеялись.

- Пойдем в избу, - предложил кто-то.

Гости направились в избу продолжать веселье. А Василий побрел за кусты выжимать одежду.

- Как тебя зовут, служивый? - спросил дед.

- Александр.

- Я вижу ты тут проездом. Поживи, если хочешь, у меня. Если по хозяйству будешь помогать, мы с бабкой перед тобой в долгу не останемся, - предложил ему дед.

- Солдату в походе, что не день, то новоселье. Спасибо, я согласен. А сейчас пойдем на свадьбе погуляем.

И они последовали за остальными.

Отшумела свадьба. Солдат остался жить у деда, помогая ему по хозяйству. Лето было в полном разгаре. Приближался Ильин день.

На огненной колеснице мчится по небу могучий старец с грозными очами. Его рука мечет молнии, поражая испуганных бесов и людей, преступивших закон Божий. Таким представляют себе Илью-пророка крестьяне. Его считают не только вестником небесного гнева, но и благодетелем человеческого рода. Крестьяне твердо верят, что плодородием земля обязана пророку. Без его воли не может быть дождя, а значит и урожая. Он поит землю, дарует изобилие плодов и прогоняет нечистую силу, виновницу человеческих несчастий и болезней: «Илья словом дождь держит и низводит. Илья-пророк лето кончает, зерно-жито пожинает».

Дед с бабкой, солдат, и многие из крестьян спят на Ильинской перине – матрасах, набитых сеном или соломой, а то и просто на соломе, собранной в Ильин день.

По народному поверью нечистой силе страшен не только сам Илья, но и дождь, проливающийся в его день. Ильинский дождь смывает сглаз и некоторые болезни.

Чтобы дожди были вовремя, в Ильин день пророка стараются умилостивить дарами: приносят освящать и оставляют в дар церкви различные продукты. Кто чем богат - зеленый горох, пчелиный мед, яблоки, например.

Из-за того, что угоднее Илье-пророку, между Губошлепом и Емелей возник спор. Емеля стоял за пчелиный мед, а Губошлеп – за яблоки. Долго они спорили и, наконец, подрались. А потом пошли к барину судиться.

Барин вызывал их на суд несколько раз. Желая подкупить судью, каждый из них приносил ему то, что любил больше: Губошлеп – яблоки, а Емеля – мед.

Чтобы принять решение, барин собрал народ.

Он сказал: «Миряне, нужен ваш совет. Эти два человека спорят о том, что пророку Илье угоднее: яблоки или мед? Я считаю все подношения пророку равноценными».

С этим решением согласились все.

В Ильин день поощряются свадьбы. Понадобилось девушкам из деревни, где жил солдат, к своей подруге сходить. Обычай требовал ее перед свадьбой приободрить и нарядить.

Жила она в большом селе, которое называлось Дальнее. Дорога туда - через лес, а в лесу кладбище. Чтобы не было страшно, уговорили они солдата пойти с ними.

Ранним утром по тропинке поднялись они на широкую, поросшую редколесьем вершину горы. Среди деревьев показался купол старой часовни, к которой примыкало кладбище.

Запыхавшись от быстрой ходьбы, девушки присели на траву рядом с одним из холмиков, что возвышались за оградой кладбища. Над ними почему-то не было крестов.

Солдат сел около девушек, вынул из кармана трубку, набил ее табаком и закурил.

- Что это за холмики без крестов? - спросил служивый.

- Это могилы самоубийц, - сказала Дуняша. - Их не отпевают, хоронят отдельно за оградой кладбища и в церкви за них не молятся.

- За что же им такое суровое наказание? - спросил Александр.

- Жизнь – это дар Божий. Самоубийца бросает дар Господа обратно ему в лицо. Он оскорбляет Святого Духа, подателя жизни. Христос говорит, что все может быть прощено сынам человеческим, кроме хулы, то есть оскорбления Святого Духа. Тот, кто задумал наложить на себя руки и не подозревает, что это не его мысли. Если бы ему было дано духовное зрение, он бы увидел, что рядом с ним стоит злой дух - бес, который внушает ему мысли о самоубийстве, чтобы увлечь его душу в ад. Кто истинно верит в Господа, тот знает, что в его власти спасти любого. Люди губят себя из-за неверия. Надо молиться Господу, чтобы он помог выдержать испытание, - так учит нас отец Борис, ответила Дуняша.

- А как же солдаты на войне убивают врагов не щадя своей жизни? - спросила одна из девушек.

- Солдаты находятся на службе и поэтому не нарушают заповеди. Их долг защищать Веру, Царя и Отечество, - ответил служивый.

- За самоубийц нельзя молиться? - спросила та же девушка.

- Отец Борис сказал, что в храме молиться за них запрещено, как за отступников, трусов, испугавшихся несчастий и отказавшихся до конца нести свой Крест. Господь не принимает таких молитв. Они отреклись от своих обязанностей перед Богом и людьми. Облегчить их мучения в аду может лишь милостыня, подаваемая в их память, и особая келейная, то есть домашняя молитва за них родственников и друзей. Например, если

самоубийцу звали Василий, молиться нужно так: - «Взыщи, Господи, погибшую душу раба твоего Василия, и, аще возможно, помилуй! Неисследимы судьбы Твои. Не постави мне во грех сей молитвы, но да будет святая воля Твоя».

Как только Дуняша произнесла эти слова, за холмиком послышалась возня. На него оперлись чьи-то грязные руки, и показалась лохматая голова.

- Кто меня звал? - спросил незнакомец хриплым голосом.

Увидев в руке солдата трубку, он жадно потянулся к ней: «Дай затянуться».

Девушки с визгом бросились бежать под гору, к деревне. А служивый, не выпуская трубки, вскочил, свободной рукой схватил наглеца за грудки[25], приподнял и притянул к себе.

- Не бей! Это я, Василий! - испуганно прохрипел незнакомец.

Солдат узнал того самого плясуна, которого вытаскивал из колодца, и отпустил его.

В рубахе навыпуск, нетвердо стоящий на ногах, Василий оперся руками на холмик и спросил: «Где я?».

- На кладбище, - ответил служивый.

- Винца выпил - помню. А как сюда попал, не помню.

- Да еще девок напугал, - сказал солдат.

- Каких девок?

- Ну ладно. Пойдем. Я отведу тебя домой, - предложил служивый.

Василий оперся на его руку, и они пошли под гору.

Прибежавших в деревню девушек обступили бабы и мужики. Едва переводя дыхание, девушки рассказали им, что произошло.

- Из могилы поднялся мертвец и схватил солдата! Между ними начался рукопашный бой! – испуганно вытаращив глаза, говорила Дуняша.

-У страха глаза велики, - недоверчиво улыбаясь, сказал Емеля.

Бабы с мужиками рассмеялись. Вдруг раздался удивленный возглас Губошлепа. Все обернулись и посмотрели туда, куда был устремлен его взгляд.

По тропинке со склона горы к ним спускались двое. В одном из них можно было узнать солдата. Он вел под руку кого-то шатающегося, в широкой рубахе навыпуск, похожего на огородное пугало. Иногда «пугало» спотыкалось и висло на руке у служивого, тогда тот ставил его на ноги.

- Вот видите! Я правду говорила! - приободрилась Дуняша. – Солдат взял мертвеца в плен и ведет его сюда!

Девки и бабы с визгом бросились врассыпную. Мужики в нерешительности переминались с ноги на ногу. Некоторые из них не прочь были убежать, но стыд оказался сильнее страха. Они успокоились, когда узнали в «мертвеце» Василия.

---

[25] - взять или схватить кого-то за грудки – за одежду на груди, ближе к подбородку.

Солдат довел Василия до его старой, покосившейся избы, пригнувшись, вошел с ним в маленькую комнату и огляделся. Всюду лежал толстый слой пыли. Вокруг не застеленной кровати были разбросаны какие-то вещи. Напротив входа, в углу, под потолком служивый увидел необыкновенной красоты образ Пресвятой Богородицы. Ее взгляд проникал в самые отдаленные глубины души. От образа исходила какая-то неземная, загадочная сила. Перед ним висела погасшая лампада.

- Чудотворная Казанская. Молись Ей. Она поможет, - сказал служивый и, глядя на образ, перекрестился.

- Эту икону оставила мне покойная матушка, - заметил Василий.

- Твой отец жив? - спросил солдат.

- Тоже помер.

Служивый перекрестился и спросил: «Крест на шее носишь?»

- Да.

- Когда последний раз был в церкви?

- Не помню.

- Плохи твои дела.

- Что ты ко мне пристал. Домой довел, спасибо, а теперь не мешай, - Василий лег на кровать и повернулся к солдату спиной. - Чтобы мне было хорошо, опохмелиться надо. А еще лучше – сходи к колдуну Савелию, принеси дурмана.

Тот понял, что продолжать разговор бесполезно.

- Выспись. Потом поговорим, - сказал служивый и вышел.

Николаич, отец жены Василия, разводил коз и возил их продавать в село Дальнее. В тот день он подготовил подводу, на которую посадил свой товар - козла и козу. Девушки, которые собирались готовить подругу к свадьбе, попросили их подвезти. Он согласился. К подруге они приехали вовремя, без приключений.

Николаич свернул на базар. Козу он продал, а козла не стал. «Какие-то у них козлы мелковатые. Мой – вон какой, здоровенный, племенной. Оставлю-ка я его себе», - подумал он.

Отметив в кабаке удачную сделку, Николаич поехал домой. Лошадь тащила подводу через лес по заросшей, едва различимой тропинке. В повозке смирно сидел козел, к ошейнику которого была привязана длинная веревка. Захмелевший Николаич клевал носом и, наконец, ослабив вожжи[26], задремал, предоставив лошади самой выбирать дорогу. Вдруг переднее колесо телеги, наехав на разложенный по земле лапник[27], провалилось. Она накренилась, и Николаич с козлом свалились в глубокую яму. Телега застряла на ее краю. Лошадь, собрав силы, вытащила телегу на ровную поверхность и повезла ее дальше.

---

[26] - вожжи – часть упряжи, состоящая из длинных ремней или веревок и служащая для того, чтобы править лошадью.

[27] - лапник – широкие ветки хвойных деревьев, обычно ели.

Жена Николаича Валентина, услышав знакомый скрип колес, вышла во двор и обомлела[28]. Перед воротами стояла лошадь, запряженная в пустую телегу. Перепуганная женщина выбежала за ворота, огляделась, но мужа не нашла. Тогда она бросилась в соседнюю избу, где жил Василий. К счастью он оказался дома, выспался и уже был трезв. Узнав, в чем дело, Василий немедленно отправился на поиски своего родственника. Окликая Николаича, он шел вдоль свежей колеи, едва видной на заросшей тропинке, все дальше и дальше углубляясь в лесную чащу.

Вечером в лесу сумерки сгущаются быстро. Было уже почти темно, когда охрипший Василий, наконец, услышал впереди слабые крики и узнал голос Николаича, зовущего на помощь. Обрадованный он побежал туда, и едва не провалился в какую-то яму.

- Николаич! Ау! - крикнул остановившийся Василий.

- Я здесь! - ответил из ямы знакомый голос.

- Какая темень. Почти ничего не видно, - сказал Василий.

- Я брошу тебе веревку, а ты тащи! - крикнул из ямы Николаич.

Василий схватил конец веревки, хлестнувшей его по голове, и потащил ее на себя.

Когда Николаич, по мнению Василия, был уже у самого края ямы, он поднатужился, надеясь принять его в свои объятия.

Но что это! Вместо Николаича на него навалилось какое-то чудовище. Прямо в губы Василия облобызала рогатая морда, обдавшая его смрадным дыханием.

- А-а-а! - разнесся по лесу пронзительный, леденящий душу крик Василия.

Оттолкнув чудовище, с криком: «Черт!» - не разбирая дороги и не слыша окликов Николаича, Василий бросился бежать туда, откуда пришел.

Добежав до ближайшей избы, где жил Иван, его крестный, Василий изо всех сил забарабанил кулаками в дверь.

- Кого это черт несет? - заворчал Иван, выбираясь из постели.

Он взял топор и пошел открывать. Его жена Марфа взяла кочергу[29] и встала за спиной мужа.

- Кто там? - спросил крестный.

- Это я, Василий!

- Что ты бьешься, как козел об ясли[30]? – недовольно сказал Иван.

Он узнал голос крестника и отпер дверь. Мертвецки бледный, дрожащий Василий почти без сил ввалился в избу.

- Что с тобой? На тебе лица нет, - удивился крестный, пряча топор под лавку.

Марфа поставила кочергу рядом с печью.

---

[28] - обомлеть – оцепенеть, оторопеть от изумления.

[29] - кочерга - железный прут, согнутый на конце, для перемешивания угольев в печи.

[30] - ясли – кормушка для скота.

- Налей ему вина, пусть придет в себя, - сказал Иван жене.

Дробно звеня оловянной кружкой о зубы, Василий проглотил вино и закусил соленым огурцом, который ему поднесла предусмотрительная Марфа. Его лицо слегка порозовело. Переведя дыхание, он сказал: «Лошадь Николаича привезла пустую телегу. Я пошел искать его в лесу. Слышу, голос Николаича из ямы доносится. Он мне даже веревку бросил. Стал его тащить, а вытащил черта!»

- А-а-а, спьяну и не такое померещится, - махнул рукой Иван.

- Нет! Истинный крест! Я Николаича трезвым пошел искать! - Василий перекрестился.

- Может Николаич уже дома, пойдем к нему, - предложил Иван.

Василий согласился.

Дом Николаича был недалеко. Они вошли во двор, поднялись на крыльцо и постучали в дверь. Им открыла обрадованная Валентина. Увидев, что среди гостей нет ее мужа, она расстроилась.

- Еще рано горевать, - сказал Иван.

Вдруг в дверь сильно ударили. Валентина радостно распахнула ее и отшатнулась.

В дверном проеме показалась бородатая морда с длинными рогами. А затем и весь козел, волоча за собой длинную веревку, по-хозяйски вошел в избу. Иван ахнул.

Силы оставили Василия. Глаза его закатились, ноги подкосились, и он без чувств рухнул бы на пол, если бы Иван не подхватил своего крестника.

- Это же наш козел! - воскликнула Валентина, схватив его за ошейник.

- Скорее неси воды! - крикнул Иван.

Он уложил Василия на лавку. Валентина принялась брызгать на него водой.

- Может, Николаич и правда в яму провалился? Надо выручать! - воскликнул Иван.

Они позвали на помощь солдата, который жил рядом.

- Сможешь показать дорогу? - спросил служивый у очнувшегося Василия.

Тот отрицательно замотал головой: «Темно уже».

- Ладно, лошадь покажет, - сказал Александр.

Он взял веревку, приготовил факел[31] и усадил Василия с Иваном в телегу Николаича.

Сев на место возницы, солдат отпустил вожжи и, обращаясь к лошади, сказал: «Но-о-о! Милая, вези нас к хозяину!»

Лошадь послушно потащила телегу в лес и, спустя некоторое время, встала.

[31] - факел – обычно короткая палка, обмотанная с одного конца просмоленной паклей (волокнами льна или конопли), служащая для освещения или зажигания чего-нибудь.

Служивый слез с телеги, зажег факел и подошел к лошади. Перед ней темнела яма, вырытая для ловли медведя, на дне которой лежал спящий Николаич.

- Вставай, домой пора! - разбудил его солдат.

Николаич удивленно протер глаза. Ему сбросили конец веревки. Он ухватился за нее, и вылез из ямы.

- Я бросил Василию веревку, привязанную к ошейнику моего козла, да забыл предупредить. Темно было, вот он и испугался, - оправдывался Николаич.

- Предупреждать надо. Я чуть было не помер от страха! - хмуро сказал Василий.

Когда они вернулись обратно, Валентина на радостях накрыла стол. Отметили Ильин день, благополучное окончание поисков и разошлись по домам.

Утром солдат отправился в церковь Покрова Пресвятой Богородицы, которая находилась в селе Дальнем. Он очень хотел помочь Василию избавиться от пагубных привычек, а для этого не мешало попросить благословения у священника.

Настоятель храма отец Борис внимательно выслушал служивого и, взглянув ему в глаза, спросил: «Василию никогда не приходила в голову мысль о самоубийстве?»

- Этого он мне не говорил. А почему Вы задали такой вопрос?

- Уловки бесов искусны. Тот, кто пристрастился к вину и дурману, попадает к ним в рабство. Особенно опасен дурман. Когда его действие заканчивается, а новой порции нет, бесы призывают демонов, которые нападают на несчастного и начинают его мучить. Демоны - это страсти, бушующие в душах людей. Скорбь, отчаяние, как хищные звери, набрасываются и терзают человеческую душу. Эти минуты ужасны. Если он не обратится за помощью к Богу и не примет меры к своему спасению, то может погибнуть. Демоны парализуют его волю. Припадки отчаяния с каждым разом усиливаются. Когда они становятся невыносимыми, разум затмевается. Тогда бесы внушают своей жертве мысль о самоубийстве, - объяснил священник.

- Настоящее блаженство Господь дает за добрые дела. А тот, кто пользуется дурманом, хочет блаженство даром взять – украсть. Это вызов Богу, нарушение его законов. Слишком высока расплата - разрушение тела и гибель души. Ты правильно сделал, что пришел просить Божией помощи. Иначе успех невозможен. От тебя потребуется жертвенная, то есть безответная любовь. Бесы будут настраивать Василия против тебя. Скажи ему, что в минуты отчаяния надо молиться: «Господи, помилуй!» Тогда станет легче. Но когда он пьян или находится под действием дурмана, разговаривать с ним бесполезно. Дай ему Евангелие. Пусть каждый день

читает понемногу. Это поможет», - отец Борис протянул Александру небольшую книгу в кожаном переплете.

- Господь дал людям свободу воли. Если он с верой попросит помощи у Христа, то ее получит. Ему надо заняться трудом. Направь его на правильный путь. Если узнаешь, что Василий решил наложить на себя руки, придумай что-нибудь, чтобы отвлечь его от греха. Я отслужу молебен Господу и Пресвятой Богородице за тебя и за Василия, - сказал служивому настоятель храма и благословил его.

От частых пьянок и употребления дурмана Василий ослаб, стал раздражительным и вспыльчивым.

- Да ты весь опух, посмотри на себя в зеркало! - сказал солдат, когда зашел к нему и застал его лежащим на кровати.

- Одна радость - в вине, да в дурмане. В них смысл моей жизни, - ответил Василий, закинув руки за голову.

- Это самообман. Между Христом и Сатаной в нашем мире идет борьба за каждую душу. Бог дал нам жизнь, чтобы испытать каждого. Вот в чем состоит смысл жизни. Если выдержишь испытание - станешь бойцом войска Христова. В награду получишь жизнь вечную. Зараженные злом и безвольные люди гибнут. Их души Сатана забирает себе, в ад. Таких много. Спастись трудно, но ты не бойся. С Божией помощью все возможно. Постарайся хоть раз отказаться от выпивки и дурмана. Каждое сопротивление бесам ослабляет их силы. Помогает даже самая короткая молитва: - «Господи, помилуй!» - сказал служивый.

Они взглянули друг другу в глаза. В погасшем взгляде Василия темнела пустота. В глазах у Александра светилась жизнь.

- Тебе ли меня учить? Ты сам и вино пьешь, и табак куришь, только дурман не пробовал, - насмешливо сказал Василий.

- Я свою меру знаю, голову не теряю. Курить в любой момент могу бросить, а дурман и пробовать не собираюсь. Эти бесовские сети покрепче пьянства и табака. Но не отчаивайся. Есть средство. От любого духовного недуга помогает, - ответил солдат.

Он достал из кармана небольшую книгу в кожаном переплете и положил ее на стол.

- Это Евангелие. Когда захочется вина или дурмана, доставай его и читай. Бросишь это гнилое дело. Вера творит чудеса, - сказал служивый и вышел.

Быстро пролетело лето. Наступила зима. Со дня Рождества Христова начались Святки - святые дни в честь рождения и крещения Спасителя.

Церковь чтит эти дни с самого начала христианства. Но в народе их святость часто нарушается обычаями и обрядами, оставшимися со времен язычества: гаданием, песнями, плясками и представлениями в шутовских нарядах. Наблюдая за проделками молодежи, набожные люди с возмущением говорили: «Надо законом запретить такие песни и пляски в Рождественский

сочельник[32] и в продолжение всех Святок. Они не ведают, что творят: и гадание затевают, и колдунов на свадьбы приглашают! Обращаются за помощью к нечистой силе, губят свои души!»

Новый год, который отмечали тогда, теперь называется старым[33]. Как гласит легенда, с момента его наступления, ради праздника рождения Сына, Бог отпускает чертей из ада, разрешает им погулять по Земле до Крещенского сочельника[34].

Вырвавшиеся на свободу черти бросаются в омут грешных игрищ и развлечений, которые они придумали на погибель человеческого рода и которым с таким азартом предается легкомысленная молодежь. Черти могут безнаказанно устраивать любые пакости. Особенно достается православным, если забыли принять меры предосторожности – причаститься[35], оградить свои дома крестом, начертанным на дверях изнутри, чтобы входящим его не было видно, окропить помещения святой водой. Самым верным способом защиты жилья считается пригласить священника, чтобы он освятил дом, двор и постройки. Это препятствует проникновению туда чертей, колдунов и колдуний.

Угораздило тогда Василия пойти с приятелями в село Дальнее. Оно располагалось на берегу большого озера, называемого Глубоким. Выпили они и повеселились сверх всякой меры. В «непристойных» песнях и плясках участвовали, гадать к девкам ходили. Потерял где-то Василий своих друзей. Приближалась полночь. Постоял он, подумал:

«Куда идти? - и решил: - Пойду-ка к себе домой. По замерзшему озеру путь короче. Дорогу, конечно, замело. Но ничего, я ее с детства знаю». Он спустился на лед, припорошенный снегом, и зашагал в сторону своего дома.

Пересек Василий озеро и зашел в лес. А там снег глубокий - почти по пояс. Запыхался он, устал. Остановился, чтобы отдышаться. «Где-то здесь должна быть река, вытекающая из озера. На льду снега меньше и идти легче», - подумал Василий, огляделся и увидел перед собой крестного.

- Что ты тут делаешь? - удивился Василий.

- Тебя в гости жду.

- Откуда ты знал, где я пойду?

- Я про тебя все знаю. Вот охотничья избушка. Заходи. Здесь жарко натоплено. Раздевайся. Садись на скамейку.

Глянул Василий – и впрямь избушка. Вошел. А жарко, как будто только что печь истопили. Снял рукавицы и положил их на край какой-то скамейки. Стащил с головы заячью шапку и вытер пот со лба.

- Вешай полушубок[36] и шапку сюда, здесь вешалка, - сказал крестный.

---

[32] - Рождественский сочельник - день накануне праздника Рождества Христова, 6 января по новому стилю.
[33] - Старый Новый год по новому стилю наступает в 0 часов 14 января.
[34] - Крещенский сочельник - день накануне праздника Крещения Христова, 18 января по новому стилю.
[35] - причащение – главнейшее христианское таинство, установленное самим Иисусом Христом.
[36] - полушубок – короткая, до колен, верхняя одежда на меху.

Повесил Василий шапку на вешалку. Снял овчинный полушубок и повесил рядом. Сел на скамейку, снял один валенок и почувствовал сильную жажду.

- Дай попить. От жары в горле пересохло, - попросил он крестного.

- Для тебя у меня полный ушат[37] с пивом припасен.

- Врешь! Кто же на охоте пиво варит?

- Пойдем, покажу.

Вышел за ним Василий во двор.

- Вот, - махнул крестный рукой. – Пей, да зубы не разбей, долго оно здесь стояло, замерзло.

И действительно, в снегу какая-то посудина зарыта, до краев заполненная пивом.

Встал Василий перед ушатом на колени, чтобы через край отпить, но больно стукнулся зубами о твердое замерзшее пиво. Припал к нему, хотел ледяную корку прогрызть, но она толста, не одолеть. Чувствует, губы к пиву примерзать стали. Что-то холодно ему стало, озяб. Приподнялся, огляделся и видит – ни избушки, ни крестного, одна нога у него босая на снегу стоит, а вдали поросшая редколесьем гора возвышается. Поспешил к ней. С горы заметил – внизу огонек светится. Увидал его и побежал туда. На склоне второй валенок потерял. Сколько бежал – не помнит. Перелез через какую-то ограду. Смотрит – а это дом крестного на краю деревни стоит. Забарабанил кулаками в дверь, что было сил: «Пустите! Замерзаю!»

В доме послышался недовольный шепот. Лязгнул засов, дверь приоткрылась. Из-за нее выглянул Иван. Увидев босого, без шапки, в рубахе и портках Василия он остолбенел: «Тебя что, разбойники ограбили?»

- Пусти, сейчас расскажу!

Крестный пропустил его в избу и сунул под лавку топор, который держал в руке. Сзади стояла верная Марфа с кочергой. Узнав Василия, она успокоилась и поставила кочергу на место.

- Когда в лесу встречал, говорил, что в гости ждешь, а сам топор приготовил, - обиженно сказал Василий.

- В каком лесу? - удивился Иван.

- Там, за горой.

- Я сегодня туда не ходил. Это тебе спьяну померещилось. Но раз говорил – садись, гостем будешь, - крестный подмигнул жене.

Она быстро накрыла стол. Василий подкрепился, согрелся и рассказал, что с ним было. Иван с Марфой только удивлялись. А потом легли спать.

Когда проснулись и позавтракали горячим сбитнем[38] с пирожками, крестный сказал: «Пойдем в лес, покажешь место, где я тебя встретил».

---

[37] - ушат – небольшая деревянная кадка с двумя выступающими друг против друга боковыми дощечками – ушами.

[38] - сбитень – старинный русский напиток, который варился из меда, растворенного в воде или сухом красном вине, и пряностей, иногда с добавлением сахара и трав (мята, хмель).

Он дал крестнику полушубок, шапку, валенки и рукавицы. Они оделись и пошли. Ярко светило солнце. На сугробах искрились снежинки. По снегу к дому тянулся след босых ног. Он привел их на склон горы. Впереди на заснеженном откосе что-то темнело.

- Вот один валенок, - сказал Иван.

Подошли. Василий поднял его: «Точно, мой!»

Перейдя вершину горы, приблизились к другому склону и увидели – в низинке тоже что-то темнеет. Стали спускаться.

Рядом с елью, ощетинившейся внизу голыми, обломанными сучьями, стоял пень. На сучьях ели висели овчинный полушубок и заячья шапка. На краю пня лежали рукавицы. Рядом с пнем на снегу стоял валенок.

Василий с радостью подхватил его.

- Это вешалка со скамейкой, - Иван указал рукой на ель с пнем.

- А вот и ушат, из которого тебя тот крестный пивом угощал.

Чуть ниже, в скованной льдом реке, припорошенной снегом, под лучами яркого солнца светилась замерзшая прорубь.

- Сюда любители подледного лова рыбы захаживают, - сказал Иван.

Глянул Василий туда, и померещился ему деревянный ушат, до краев наполненный золотистым, пенящимся пивом. Зажмурил он глаза, потряс головой, и видение исчезло.

Снял Василий с ели полушубок и шапку, забрал с пня свои рукавицы. И пошли они с крестным назад.

Зимние морозы сменились весенней капелью. Сошел снег. Природа расцвела. Наступил «Никола вешний[39]». Иногда этот праздник называют «Никола с теплом», потому что он обычно приносит теплую погоду.

Николай Чудотворец пользуется в народе огромным уважением и считается самым близким к Богу угодником.

Начиная с этого дня, в полях развернулся, как говорят крестьяне, «средний» посев яровых хлебов. Солдату с трудом удалось уговорить Василия принять участие в полевых работах.

Сначала все шло хорошо. Напряженный физический труд благотворно действовал на Василия. Но однажды он не вышел на работу.

- Опять за старое принялся, - сказал служивому дед Апанас.

Вечером солдат зашел к Василию домой. Тот лежал на кровати в своей любимой позе, закинув руки за голову, и встретил гостя туманным взором. В комнате стоял запах дурмана.

- Вижу. Не устоял, - сказал служивый.

Вместо ответа тот повернулся на бок, к нему спиной.

- Ты меня слышишь? - спросил Александр.

- Не глухой, - хмуро сказал Василий.

[39] - «Никола вешний» - так называют в народе день памяти святителя и чудотворца Николая, приходящийся на 22 мая по новому стилю.

- Сейчас к тебе приятели придут. Я знаю, тебе захочется выпить с ними. Ты должен им отказать, – сказал солдат.

- Ты мне не указчик, - услышал он в ответ.

- Евангелие читаешь? - спросил служивый.

- Нет.

Василий резко повернулся к солдату лицом: «Я тебе не верю! Сам читай, может быть, сказочником станешь! Я сам себе хозяин. Захочу – напьюсь. Захочу – повешусь. Что захочу, то и сделаю».

- Не спеши, - сказал Александр и с сожалением подумал: - «Пока дурман не выветрится, говорить с ним бесполезно».

- Нечего мне ждать, - ответил Василий.

- Ну что ж, воля твоя. Только перед тем, как вешаться, не забудь сказать: - «Отдаю мою душу Богу, а тело – чертям!» - сказал служивый, встал, перекрестился, глядя на икону, поклонился ей и вышел.

Солдат пришел туда, где остановился на постой. Его встретил дед Апанас: «Ну, как там Василий?»

- Не поддается, - ответил Александр.

Он зашел в комнату, где жил, прилег на «Ильинскую перину» и сразу заснул.

Когда дверь за солдатом закрылась, Василий взглянул на икону. Ему показалось, что в ней что-то изменилось. От образа как будто исходило сияние. Василий изо всех сил зажмурил глаза, но к своему удивлению заметил, что сияние видно даже через закрытые веки. Он открыл глаза – сияние не исчезло.

- Опять померещилось, - сказал Василий.

Вдруг глаза Пресвятой Богородицы гневно блеснули. Незримая сила приподняла его над кроватью и бросила на пол перед иконой лицом вниз.

Распластавшийся на полу Василий приподнялся и встал на четвереньки. Не отрывая испуганного взгляда от образа, пятясь задом, он выскочил из избы на улицу.

Навстречу шли Губошлеп и Емеля, который нес под мышкой что-то завернутое в тряпку. Увидев Василия, они обрадовались: «Пойдем к тебе. Наша бражка[40], твоя закуска». Емеля развернул тряпку и показал большую бутыль с какой-то мутной жидкостью.

- Закуски нет. Пойдем вон туда – подальше, сядем на травку, - сказал Василий.

Они расположились на траве и стали пить брагу прямо из горла бутыли. Когда она опустела, Губошлеп доверительно наклонился к Василию и заплетающимся языком сказал: «Слышал новость? От Хмеля жена с детьми ушла. А он повесился!»

---

[40] - бражка, брага – хмельной самодельный напиток.

- К-какой герой! Не всякий решился бы на т-такой смелый поступок! - с трудом выговорил Емеля.

- А я т-тоже могу! Вот пойду в осинник и удавлюсь, - тяжело ворочающимся языком выпалил Василий.

- Н-не имеешь права! - хором закричали его приятели.

- П-почему?

- Т-ты нам долг не отдал, - сказал Емеля.

Василий с трудом встал и, пошатываясь, быстро зашагал в сторону своего дома.

- Держи его! - закричал Губошлеп.

Но подняться на ноги приятели не смогли. Они поползли за ним на четвереньках.

Василий зашел в свою комнату, взял веревку и по склону горы направился в лес.

В это время в сознании спящего солдата всплыл образ незнакомой женщины. Ее голову покрывал серый узорчатый платок. Она сказала: «Зайди, зайди к Василию». Александр почувствовал тревогу за него и проснулся. «Какой странный сон», - подумал служивый. Ему почему-то стало жаль Василия, тревога усилилась. «Может быть, с ним что-то случилось?» - солдат вскочил и направился к своему подопечному[41].

Дверь в его доме была распахнута, но там никого не оказалось. Икона висела на своем месте. Взгляд Пресвятой Богородицы был спокоен. Александр перекрестился, поклонился образу и вышел на улицу.

Навстречу ползли Губошлеп с Емелей.

- Где Василий? - спросил их солдат.

- П-пошел в осинник, чтобы удавиться, - с трудом встав на ноги, едва выговорил пьяный Емеля.

- П-пусть сначала вернет нам долг, - поднявшись следом за ним, промямлил Губошлеп.

Солдат бросился бежать в сторону горы.

- К-куда это он так заспешил? - заинтересовался Емеля.

- П-пойдем, посмотрим, - сказал Губошлеп.

Шатаясь, приятели побежали вслед за служивым.

А тем временем, Василий добрался до лесной чащи. Откуда ни возьмись, появились два черта. Подхватили его под руки, и повели к поляне, посреди которой росла громадная осина.

Поляну окружали осины поменьше. И на каждой самоубийцы - удавленники сидят, манят, руками машут, кричат: «Идите скорее, мы вас давно ждем!»

Под громадной осиной собралось великое множество чертей и всякой нечисти. Всех возрастов - от мала, до велика. Увидели, что их будущего товарища ведут, на радостях навстречу кинулись. Один из чертей взял из рук

[41] - подопечный – находящийся под опекою.

Василия веревку и торжественно понес ее впереди. Их обступили, забили в бубны[42], заплясали. На каких-то инструментах, похожих на гитары, забренчали, запели. Такой шум подняли, что Губошлеп с Емелей, бежавшие за солдатом, остановились и прислушались.

- Что это? Свадьба? - спросил слегка протрезвевший Емеля у Губошлепа.

- В-вот куда он спешит! Этот солдат ни одной свадьбы не пропустит! - все еще заплетающимся языком сказал Губошлеп.

- Скорее туда! Может, и нас угостят! - обрадовался Емеля.

По склону горы они побежали наверх, навстречу шуму.

А перед Василием черти уже захлестнули веревку за толстый сук, наладили петлю. Откуда-то трухлявую колоду приволокли, под петлей поставили. Двое рослых чертей растопырили петлю, наготове держат. А третий, огромный и черный, ухватил Василия за ноги, на колоду поставил и головой в петлю направляет.

Понял Василий, что сейчас погибнет. Охватил его ужас. Вспомнил он все, чему его солдат учил, и в отчаянии закричал: «Отдаю мою душу Богу, а тело – чертям!»

Едва успел он это крикнуть, как колода вылетела у него из-под ног, петля затянулась и перехватила дыхание.

На несколько секунд наступила мертвая тишина. Черти застыли, как в столбняке.

- Чиво-чиво? - пискнул выскочивший вперед бесенок.

Первым опомнился огромный черт, подсадивший Василия в петлю. Он закатил бесенку оглушительную затрещину. Тот взвизгнул и юркнул за спины стоявших вокруг чертей.

- Зачем нам твое вонючее тело, нам душа нужна! - злобно заорал черный гигант.

Он выхватил нож и полоснул им по веревке, на которой висел Василий. Тот с шумом рухнул вниз, на зеленую траву.

«Музыканты» с видом оскорбленного достоинства, забросив свои «гитары» за спины, повернулись к Василию задом и удалились. Вся нечисть, собравшаяся на зрелище, куда-то исчезла.

Упавший на землю Василий потерял сознание. А когда очнулся, увидел себя лежащим на траве с обрывком веревочной петли на шее. Хмель куда-то улетучился.

- Я жив? - ощупывая себя, прохрипел он.

- Слава Богу! - взглянув на небо, Василий перекрестился.

- Какую глупость я чуть было не совершил! Едва не стал бесом! Даже подумать страшно! Тьфу! - он с омерзением сплюнул.

В кустах затрещали ветки. Василий вздрогнул, повернулся и увидел солдата. «Жив!» - подбежав, радостно воскликнул Александр. Он снял обрывок петли с его шеи.

---

[42] - бубен – ударный музыкальный инструмент – обод, обтянутый кожей, с бубенчиками по краям.

- Откуда ты узнал, что я здесь? - спросил Василий слабым голосом.

- Твои дружки подсказали. Но сначала мне приснился странный сон. Какая-то женщина в сером узорчатом платке попросила меня зайти к тебе. Одновременно появилась тревога за твою жизнь, - ответил солдат.

- Такой платок носила моя матушка. В нем ее и похоронили, - с трудом прохрипел Василий.

- Считай, что заново родился, - сказал солдат.

Василий почувствовал, что слабеет, и опрокинулся на спину.

Снова затрещали ветки. На поляну выскочили запыхавшиеся Губошлеп и Емеля.

- Мы успели? - тяжело дыша, спросил Губошлеп.

- Вовремя. Бери его под руки, - сказал солдат.

- А где свадьба? - оглядываясь по сторонам, спросил Емеля.

- Какая свадьба? Бери его за ноги! - приказал Александр.

Приятели послушно подхватили Василия.

- Несите его в деревню. Шагом марш! – подал команду служивый.

«Новорожденного» понесли домой.

После этих приключений Василий долго болел, но с тех пор, к большому удивлению его родных и знакомых, ни хмельного, ни дурмана, ни в каком виде не принимал, и ни на какие уговоры не поддавался. Он стал постоянно носить с собой Евангелие. К нему вернулись жена и дети.

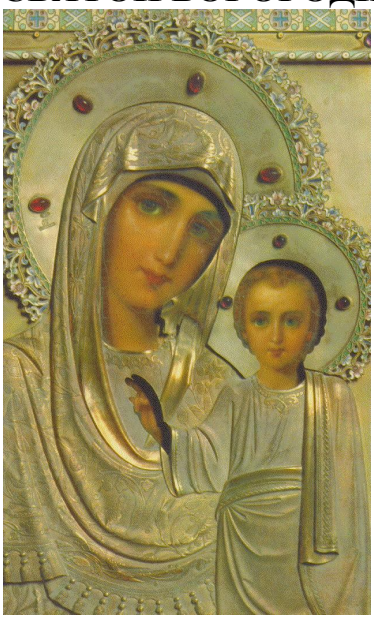
А за солдатом почему-то утвердилась слава сильного колдуна и опытного лекаря.

Вместо послесловия

Многие события, изложенные здесь в сказочной форме, были в действительности. Даже случай с козлом. Не все в сказках вымысел, но окончательное решение всегда за вами, уважаемые читатели. Хотите – верьте, а хотите – нет.

Приложение 1

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О КАЗАНСКОЙ ИКОНЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ



Россия со времени принятия христианства считается Домом Пресвятой Богородицы. Поклонение Ее иконам не просто традиция. Уже много веков иконы Божией Матери исцеляют верующих, укрепляют их дух, помогают защищать нашу страну от чужеземных захватчиков. Всего перечислить невозможно.

Казанская икона Пресвятой Богородицы сопровождает нас от рождения до смертного порога. Ее помещают над колыбелью младенцев. Ею благословляют девиц на замужество. При отпевании ее вкладывают в руки покойного. Если он не пропащий грешник, Пресвятая Богородица не отвернется от него и защитит его душу от нападения бесов на пути следования к вечному дому. Икону не хоронят вместе с умершим. Ее оставляют в храме до сорокового дня, а потом берут домой.

Икону носят вокруг городов, обороняемых от неприятеля, ей молятся при засухе и других бедах.

Найдена она была так. В 1579 году в Казани был страшный пожар, уничтоживший половину города. Один стрелец задумал построить себе дом на месте пожарища. Его дочери, Матроне, явилась во сне Царица Небесная и повелела извлечь из земли Ее икону. Мать Матроны принялась копать землю. Ей помогали и соседи, но икону не нашли. Лишь когда заступ взяла сама Матрона, обнаружилась икона, завернутая в ветхий суконный рукав мужской одежды вишневого цвета. Это произошло 8 июля по старому стилю, 21 июля по новому стилю. Поэтому явление иконы Пресвятой Богородицы в городе Казани празднуется 21 июля по новому стилю. Ее поместили в

Благовещенском соборе. С нее были сделаны копии (списки). Икона и списки с нее прославились многочисленными чудесами. В 1904 году при ограблении храма икона бесследно исчезла.

Празднование Казанской иконе Божией Матери в память избавления Москвы от поляков в 1612 году установлено 4 ноября по новому стилю.

После смерти в 1598 году сына Ивана Грозного – царя Федора Иоанновича из династии Рюриковичей, не оставившего наследника, Российское государство вступило в период кризиса. Он получил название «Смутное время» и длился пятнадцать лет. Началась польско-литовская и шведская интервенция. В этот период появлялись самозваные цари, выдававшие себя за детей и внуков Ивана Грозного, которые пытались занять Российский престол. Их было более десятка. Поляки сожгли Москву и укрепились за уцелевшими стенами Кремля и Китай-города.

Уже не в первый раз Россию спас ее духовный центр – Троицкий монастырь. Призывные грамоты архимандрита Дионисия и келаря Авраамия, расходившиеся из монастыря, подняли нижегородцев. Земский староста Кузьма Минин в сентябре 1611 года призвал посадских людей создать ополчение для спасения России. В 1612 году вновь созданное ополчение подошло к Москве. Воины из Казани взяли с собой список с чудотворной Казанской иконы Божией Матери. Его вручили одному из руководителей ополчения - князю Дмитрию Пожарскому. Накануне решающей битвы за Китай-город православные воины молились Царице Небесной перед ее Казанским образом.

В плену у поляков томились прибывшие в Москву греческие архиепископ Арсений и митрополит Иеремия. В ночь на 22 октября по старому стилю (4 ноября по новому стилю) архиепископу Арсению во сне явился преподобный* Сергий Радонежский. Он сказал: «Арсений, наши молитвы услышаны – утром Москва будет в руках осаждающих и Россия спасена».

Радостную весть удалось передать русскому войску. Она чрезвычайно вдохновила воинов на штурм. Казаки взяли приступом Китай-город. Сидевшие в Кремле поляки сдались сами. Москва была освобождена.

В память об этом событии 4 ноября по новому стилю установлено очередное празднование Казанской иконе Божией Матери.

После венчания на царство в 1613 году Романова Михаила Федоровича, первого царя из династии Романовых, «Смутное время» на Руси закончилось.

Князь Дмитрий Пожарский поставил Казанскую икону Божией Матери в своей приходской церкви в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, что на Лубянке. Около 1636 года икона была перенесена в Казанский собор, построенный князем в благодарность Господу и Его Пречистой Матери за спасение России. Позднее икону перенесли в Богоявленский собор.

В 1710 году один из почитаемых в России списков с Казанской иконы Пресвятой Богородицы был перенесен Петром I из Москвы в его новостроящуюся столицу.

Петербургская Казанская икона является известнейшей святыней северной столицы. Для нее в Петербурге был построен Казанский собор.

В 1812 году войска Наполеона вторглись в Россию, захватили Смоленск и двинулись на Москву. Российский император Александр I назначил Михаила Илларионовича Кутузова главнокомандующим русской армией.

Кутузов заехал в Казанский собор помолиться. Народ выпряг лошадей из его кареты. Люди кричали: «Прогони французов!» После молебна на полководца была возложена Казанская икона.

Божия Матерь не отвергла молитв старого воина. В день празднования Казанской иконе, 22 октября 1812 года по старому стилю (4 ноября по новому стилю), русские отряды во главе с Милорадовичем и Платовым разбили арьергарды маршала Даву, предназначенные для прикрытия сзади передвигавшихся французских войск. Это было одно из поражений ранее считавшейся непобедимой армии Наполеона.

Окруженный незаходимой славой после изгнания французов из России фельдмаршал Кутузов вернулся во гробе на покой в тот же Казанский собор.

Это всего лишь малейшая доля из множества эпизодов заступничества Пресвятой Богородицы за Россию, которые связаны только с Ее Казанской иконой.

Примечание * - преподобный – святой из монашествующих.

Приложение 2

Обмундирование рядового гренадера лейб-гвардии
Преображенского полка в эпоху Петра I

Приложение 3

Обмундирование рядового фузилера в эпоху Петра I

Фузилер показан в треуголке и епанче (накидке), наброшенной на плечи.